

Я понимал, конечно, что рано или поздно мне придется отправиться к матери пропавшей девочки, но вот уже вторые сутки я почему-то медлил, все чего-то ждал. Под ногами, на подтаявшем снегу, чернело собачье дерьмо. Вся улица казалась загаженной, и пешеходы ступали по мостовой осторожно, будто у них под ногами не твердая земля, а неустойчивая палуба тонущего корабля. Я стоял у киоска, укрывшись от ветра, и держал в руках только что купленную газету, которую не собирался читать, а взял просто так, чтобы поддержать разговор с продавцом. Помню, когда мы были в Кракове, у меня и Бернарда водились деньги, но они кончились, и поляки потеряли тогда к нам всякий интерес и помогали нам в расследовании просто из чувства долга, совершенно формально, так что толку от их помощи не было никакой. Человек с раздувшейся щекой подошел ко мне и показал что-то, припрятанное в рукаве. Я толком не понял, что он мне показывает, но позволил себе немного развлечься и вынул служебное удостоверение. Убегая, он походил на испуганного зверька.

Я подумал, будь моя воля, я так и остался бы стоять здесь, под козырьком, у газетного киоска, прячась от ветра и дождя, весь оставшийся день.

Дом № 18 на противоположной стороне улицы был построен еще в начале прошлого века и сильно обветшал. Квартплата росла, кровля прохудилась и требовала ремонта, по фасаду шли трещины. Свет горел только в нескольких окнах. Где-то наверху, сидя в своей тускло освещенной комнатке, она и ждала меня.

— Здесь, похоже, одни пенсионеры живут, — услышал я, как пробурчал какой-то парень, проходивший мимо.

Может быть, он и был прав. Вот одна пожилая женщина появилась во входной двери с тремя большими пластиковыми пакетами в руках. Я поднял над головой газету, перебежал через улицу и как раз успел схватить ручку двери перед тем, как она захлопнулась. Жестом я показал, будто хотел просто помочь ей, услужливо придержать дверь. Чувство благодарности сбило ее с толку, и она не поняла, что на самом деле я просто хотел попасть на лестницу. А вообще-то, что ей нужно на улице, под дождем, в одной вязаной кофте, сваливающейся с плеч? Я так и представил себе, как дождь вымочит ее до нитки и эта прогулка для нее добром не кончится. В доме, где жила моя бабушка, была консержка, которую я сейчас почему-то вспомнил.

На лестнице пахло рыбьим жиром. На почтовом ящике два имени: Ингер и Мария. Приклеенная переводная картинка с подсолнухом выделяла

ящик среди всех остальных. В этом чувствовался какой-то вызов. Поднявшись на три этажа, я увидел на входной двери такую же картинку. Что это? Символ их семьи? Сигнал окружающему миру, мол, здесь мы еще боремся и выживаем, так, что ли? Из соседней двери донеслись голоса, сначала я даже подумал, что они звучали из их квартиры. Громкий мужской голос, потом в ответ более нежный голос — то ли ребенка, то ли женщины, слов не разобрать. Затем грохот. Что-то разбилось. Наступила тишина.

Я попытался представить себе ее, увидеть воочию, какая она, та женщина, которую я через мгновение встречу. Чем она занималась все эти бесконечные дни, одна в квартире? О чем думала по утрам, просыпаясь? Особенно в тот день, когда поняла, что ее любимой дочери больше нет в живых?

Я не хотел туда идти. Не хотел с ней встречаться. Не хотел разговаривать с ней и вообще заниматься этим проклятым делом. Однажды я уже расследовал дело о пропавшей девушке, и тогда ее быстро нашли. Она лежала под брезентом, на дне лодки, внутри старого лодочного сарая. Между ног торчала пивная бутылка, а в рот ей забили шарф с такой силой, что чуть не оторвали язык.

Лицо, появившееся в щелке двери, изумило меня. Это было красивое лицо. Как могла женщина, потерявшая ребенка, оставаться такой красавицей?

— Я думала, что вы уже не придете, — сказала она, когда я себя назвал. Потом открыла дверь нараспашку.

Лицо ее было серым, это я увидел, войдя. От света, падавшего из прихожей, горе на лице стало проступать, словно на фотографии в растворе проявителя, и мне нужно было определить к этому свое отношение. Похоже, ее лицо свыклось с горем. Это была серая маска застывшего, безнадежно-отчаяния. Я разулся. Стоял, держа в руках ботинки, с которых на пол падали капли. Понял, что носки тоже промокли, и представил себе блестящие следы, которые будут оставаться за мной, когда я пойду по полу. Мокрые следы на полу чужой квартиры. Она улыбнулась, вид у меня был наверняка невероятно смешной. Я чувствовал себя взрослым человеком, втиснувшимся в кукольный домик. Она взяла ботинки из моих рук и пригласила пройти в комнату.

Проходя по мягкому ковру коридора, я вдруг представил себе всю нелепость происходящего. Мне нельзя было соглашаться на встречу с ней. Только один раз я говорил с ней по телефону. Она позвонила в тот день, когда дело о пропаже ее дочери было формально передано в мои руки. Я только-только начал просматривать список документов, когда раздался звонок. Но, может быть, она интуитивно чувствовала любые изменения в расследовании дела, ведь речь шла о ее ребенке? Она сразу стала расспрашивать, что я собираюсь предпринять, что нового внесу в расследование, что собираюсь изменить, чтобы направить его по новому пути, и, наконец, сколько времени, по моему мнению, пройдет, пока я найду девочку? А что я мог сказать?

Мое задание было: закрыть это дело. Мне было запрещено предпринимать что бы то ни было, если только не всплывут новые обстоятельства. Я должен заниматься расследованием и в то же время ничего не делать, сидеть молча и, так сказать, бодрствовать до утра у гроба покойного.

Но для нее все это ничего не значило. Она хотела знать, когда я к ней приду, чтобы поговорить. Она хотела со мной все обсудить.

Как только мы вошли в комнату, она принялась меня расспрашивать. И вместо безнадежного отчаяния, встретить которое я, должен признаться, в некоторой степени был готов, я увидел трезво думающего человека, который безо всякой подготовки стал выкладывать голые факты яростно, почти агрессивно. Она задавала вопросы. Требовала ответов. Я понял, что она давно не разговаривала с представителями полиции, поэтому откликнулась так быстро, когда появился я. Она, вероятно, думала, что с появлением нового детектива все начнется с начала, все откроется и шансов найти девочку будет так же много, как и год назад. С появлением надежды проснулось и ее горе. Отчаяние кроется в надежде. За минувшие месяцы ее боль стерлась, она к ней привыкла, и повседневность стала походить на прежнюю, нормальную жизнь, но вдруг она вновь испытала страх, оттого что прошлое придется испытать заново.

Ответы, которые я мог дать ей, были, вероятно, путанными и беспомощными. Этого она тоже боялась. Для нее было сущим адом выслушивать мои

бессодержательные заверения. Да-да, делаем что можем. Да-да, проверяем каждый след. Как только что-то новое появится, все ресурсы пустим в ход.

Это была чистая комедия. Все было наигранно, весь диалог, и ее отчаянные требования, и мои неуклюжие отговорки. Впрочем, все, что она говорила, тоже носило омерзительный характер пустопорожней болтовни, выученных наизусть, набивших оскомину готовых реплик. Все это она говорила раньше, и говорила сотни раз, как только ей давали возможность выговориться, как только кто-то был готов ее выслушать. Она забалтывала моих коллег каждый раз, когда кто-то из них появлялся поблизости. Это объясняло те кошмарные истории, которые рассказывали о ней у нас в уголовной полиции. В отделе расследований ее не любили.

Все продолжалось слишком долго, результатов практически не было, ни один сыщик из числа работавших над этим делом не сумел сохранить в себе сочувствие к ней. Из матери, которой им очень хотелось помочь, она превратилась в палача, сражаться с которым они были бессильны. Недовольство, раздражение из-за отсутствия результатов, которое испытывали полицейские, и ее полное бессилие помочь следствию лишь увеличивали пропасть между ними. Казалось бы, они должны были сотрудничать, но на самом деле вместо взаимопонимания между следователями и матерью пропавшей девочки возникали отчуждение и плохо скрываемая ненависть. Она поносила их, они упрекали ее. Амбиции на скорое раскрытие дела увяли. Надежда про-

пала. Никто из них больше не имел сил. Сотрудники отдела стояли за моей спиной, пряча счастливые улыбки, оттого что эта чаша их миновала, в тот день, когда мне передавали документы дела. Тогда я яростно шлепнул папку с бумагами на мой рабочий стол.

Она пристально разглядывала меня.

— Теперь этим будете заниматься вы, правда? — спросила она.

Я прекрасно знал, о чем она, но сделал вид, что не понял.

— Никто больше не работает над расследованием. Теперь только вы остались.

— Сейчас, да, только я. Но как только...

— Как только появится что-то новое? — тем же тоном сказала она.

Я сделал вид, что не расслышал иронии.

— Ну да, — сказал я, — в тот же момент...

— Но ничего нового не появится. Мне это говорили каждый раз, только ничего нового не появлялось. И никогда ничего нового не появится, если только вы не отыщете что-то новое, если только вы не сделаете так, чтобы хоть что-то появилось.

— Прошел год. Невозможно вести следствие с той же интенсивностью, что в первые дни.

— Она где-то находится все это время, пока вы не можете ее найти. Она где-то находится все время. Все время. Мария находится где-то, когда мы с вами сидим и разговариваем. Можете вы это понять?

Я знал, что любой мой ответ только подольет масла в огонь. Огонь, который и без того сжигает ее изнутри. Я был тем незванным гостем, который, помимо своей воли, должен заставить ее испытать боль в очередной раз.

— Это совсем не значит, что дело закрыто, — сказал я, — такое дело никогда не закрывают. Но мы не можем тратить все имеющиеся ресурсы в течение...

Я помедлил.

— Такого длительного времени?.. — сказала она. Ирония была жестокой.

— Вы сдались, правда? — сказала она, помолчав. — Закрыли дело? То, что вы пришли сюда, это чистая формальность. Это не имеет никакого значения. Вы сдались давным-давно. Вы решили, что ничего сделать нельзя.

— Есть люди, которых мы обнаружили гораздо позже, чем в этом деле...

— И вы приходите сюда и притворяетесь, будто вы усиленно работаете, все еще думаете, все еще уверены, что вам удастся ее найти?

Она встала и заходила по комнате.

— Да как вы смеете! — Она замахала руками. — Как вы смеете появляться здесь, когда вы в это не верите! Если вы знаете, что это не так! Если знаете, что ничего больше не произойдет!

За те полчаса, что я провел здесь, были нарушены практически все правила. К тому же, а может быть, именно из-за этого я упустил момент, когда мог попрощаться и уйти. Я начал слушать ее, и раз начал, то мне пришлось выслушать и все остальное,

что она сказала. Она заставила меня сидеть здесь. И слушать, пока она не отпустит меня. И тогда все кончится, тогда наступит момент, когда я больше не смогу здесь оставаться, и я уйду с чувством, что мог хотя бы выполнить свой долг — прийти и выслушать ее.

— А если моя дочь лежит связанная в каком-то месте, если ее заперли, если над ней измывается какой-то безумец? Может быть, кто-то насилует ее прямо сейчас? Именно сейчас? Что, если тот мерзавец делает это именно сейчас?

Она издала вопль, лицо было искажено, она буквально завывала, низкий, рычащий голос больше не принадлежал ей, казалось, выл больной зверь. Я поднялся в абсолютной растерянности. Я мог бы коснуться ее, если бы протянул руку, но не осмеливался. Я подумал, что она упадет, как только я коснусь ее.

Она успокоилась.

Потом резко повернулась.

— Может быть, есть кто-то... — начал я, — кто мог бы прийти... Если я позвоню...

— Мне очень жаль, — сказала она. — Очень жаль.

Мы сели.

Я посмотрел на нее, ее взгляд был устремлен куда-то мимо меня. Лицо все время менялось, ни на секунду не успокаивалось, ни разу не успевало приобрести какую-то отчетливую форму, черты лица не собирались в нечто единое, не обретали четкого выражения. Что же делало ее лицо красивым, как мне показалось в самый первый момент, что? Создавалось впечатление, словно серая пленка была

натянута поверх кожи. Натянута поверх пленки цвета кожи. Пленка поверх пленки. А внутри под всеми слоями была ее жизнь, которой она жила, тот человек, которым она была вплоть до 27 апреля минувшего года. Там был схоронен человек, который уже никогда больше не вернется.

Перед уходом с работы я просидел большую часть дня над ее досье. Там пряталась целая жизнь. Там было все. Друзья детства. Влюбленности девичьей поры. Любовник, который у нее был в период ее замужества. Окружение, в котором жили ее родители и родители родителей. Отец Марии. Родители отца Марии. Их родители. Длинные выписки из документов. Казалось, что отсутствие подозреваемых заставляло тратить силы на добывание как можно большего количества данных о ней и ее муже, вызывать их каждый раз, когда больше некого было допрашивать. Не зная, на что еще обратить внимание, они обращали внимание на них. Все остальное выяснено до конца, итог подведен, следствие зашло в тупик. Выяснено все, любые возможные подозреваемые давно проверены. Все многократно проверено и перепроверено задолго до того, как дело попало мне в руки. Я смотрел на нее и думал, что не было ни единого вопроса, который я мог бы задать ей и который не был задан раньше. Я ничего не мог предпринять. Мне нечего было делать.

За ней стоял стеллаж, набитый книгами. У большинства книг потертые корешки, из книжек карманного формата в мягких обложках торчали белые листочки, большинство названий невозможно про-

читать. Проигрыватель CD и телефон с беспроводной трубкой стояли на откинутой доске старого секретера, контраст между новым и старым придавал комнате оттенок тщательно обдуманного выбора, выдавал наличие вкуса. Вкуса, ценность которого теперь утрачена полностью, поскольку жизнь потеряла вкус. Когда она купила квартиру и стала ее благоустраивать, она думала — так мне показалось — превратить ее в дом для себя и своей дочери, а в это время непостижимая трагедия уже поджидала их. Когда она развелась с мужем и вместе с дочерью переехала в собственную квартиру, она сделала первый шаг к этому грядущему кошмару. Когда она выбирала обстановку, покупала мебель. Когда они с Марией спали в самую первую ночь здесь, а перевезенные вещи были разбросаны вокруг... Когда она согласилась с тем, что у дочери должен быть мобильный телефон, так как дочери предстояло ездить между этой квартирой и квартирой отца. Когда она и ее муж подписывали документы о разводе... Когда она занималась любовью с любовником и издавала крики страсти, когда дочь возвращалась от отца и они обедали втроем за столом... Все это время она шла навстречу своему неотвратимому будущему. Каждый раз, когда она хвалила дочку или когда ругала ее, когда пела ей, когда покупала ей одежду, когда уговорила ее начать заниматься карате, а потом ссорилась с ней из-за того, что дочка решила бросить занятия спортом... Все вело к этому ужасу.

Итогом череды всех этих событий был тот вечер в апреле, когда она послала дочку в магазин,

расположенный в двух кварталах от их дома. Вскоре магазин закрывался, она только что приняла душ, не хотела выходить на улицу с мокрыми волосами и спросила, не сходит ли в магазин Мария. Попросила ее взять сто крон из сумки, висевшей в коридоре, крикнула, услышав скрип открывшейся двери, что надо надеть шапочку, и пошла в комнату подсушивать волосы феном.

Просигналил мой телефон, короткая мелодия, не к месту веселая.

Я извинился, но уже знал, от кого SMS, еще не нажав на кнопку. Анна-София: «Ты скоро придешь?»

Я отключил мобильный телефон и положил в карман.

— Останьтесь, — сказала она. — Пожалуйста. Не уходите.

Она взглянула на стол, словно кто-то только что поставил его тут.

— Хотите чего-нибудь? Кофе?

— Нет, спасибо. Мне пора уходить.

Она кивнула, глубоко вздохнула и только потом сказала:

— Ребенок?

— Нет, — ответил я, обеспокоенный атмосферой доверительности, в которую оказался втянут.

Почему наш диалог стал неконтролируемым? Каким непостижимым образом она связала сообщение с тем человеком, который его послал? Почему дело зашло так далеко, что я даже не успел подумать, стоит ли отвечать?